

Илья Муромец и Соловей-разбойник (8)

От того от моря от синего,
От того от океана Ледовитого
Ехал старóй да Илья Муромец на добрóm конí.
Едет старóй — только куревá стоит, дым столбом валíт,
Из-под копыт прямо летит, прямо за́ версту.
На конí Илья сам бел-белóй,
Бел-белóй, уж сед-седой.
Приехал старóй на первóй застав,
На застáвы три столбика стоят,
Стоят да три столбика дубовые,
На столбики дощечки приколочены,
На дощечках подписи подписаны,
Золотыми нумерами надрезы надрезаны:
«Первú дорожку мне ехать — живому не быть,
Вторú — мне богатому быть,
Третью — мне женатому быть».
Подумал старóй своим умом богатырским:
«Смóлodu было богатство не нажито,
На старость мне — душа па́губа,
Смолоду было не жéненось,
А на старость жениться — чужá коры́сть.
В чистóm поли́ старóму смерть не писана,
Поеду в ту дорожку да неéзжену,
Поеду в ту дорожку прямоезжую».
Заросла дорожка эта тридцать лет;
Добрый молодец туда не проезживал,
Ясен со́кол туда не пролётывал,
Добрый молодец туды не прохаживал:
На дороге живет Соловей Рахматович,
Не спускает он ни конного, ни пешего.
Левóй рукой старóй Илья Муромец коня ведет,
А правóй — дубья рвёт,
Дубья рвёт и мосты мостит.
Едет старóй опять вперед,
Стоят тут три мужичка, три богáтыря,

Хотят старóго схватить за черны́ кудри.
Говорит да Илья Муромец:
«Ой вы еси, мужички, русски богáтыри!
Бить-то вам меня нé за что,
Взять-то вам у меня нечего,
Только есть на шеи чúден крест позолоченый».
На то мужики пуще обзадóрились,
Хватать стали Илью Муромца.
Разгорелось у Ильи сердце богатырское,
Он схватил всех трех во белы́ руки́,
Бросил их о сыру́ землю́,
И тут мужицкам и смерть случилася.
Едет опять Илья Муромец вперед,
Опять приехал на заставу великую.
Сидит тут Соловей Рахмантович
На двенадцати дубах, на двенадцати поддúбинках.
Закричал Соловей по-змеиному,
Заревел Рахмантов по-соловьиному,
Испужался у старóго доброй конь, конь богатырский,
Припал он на колена.
«Ой ты, конь, ты конь, лошадь добрая,
Не слыхала разве ты крыку соловьиного,
Не слышала разве ты крыку вороньего?»
Справился у старóго конь.
На кони́ сидит, лук принатягиват,
Калёную стрелоцку накладыват,
Сам ко стрелки приговариват:
«Ты лети, стрелка моя калёная,
Калёная стрелоцка, перёная,
Ты не на́ воду пади, стрела, не на́ землю́,
А попади ты Соловью во правóй глаз,
И вылети ты, стрела, ухом левым!»
А на летú старóй был ухватчивой —
Полетел с дубу Солóвьешко.
Ухватил старóй его правóй рукой,
Не допустил его до сырóй земли,
И привязал его к стремени булатному,
Приковал ко стремени лошадиному.
Едет Илья опять вперед в стольне Киев-град.

Увидела Соловья мать родимая, гроза великая:
«Ой еси ты, Илья Муромец,
Почему везешь ты моего сына?
Не пропущу я вас в стольне Киев-град,
Не спущу к солнышку Владимиру!»
Говорит Соловей матушке родимой:
«Не твое теперь, маменька, кушаю,
Не тебя сейчас я слушаю,
Теперь слушаю Илью Муромца,
Почитаю я за родного батюшка».
В ёйной дом Илья выстрелил,
Окошечка все выбил до единого.
Едет вперед, не разговариват,
Приехал старбй в стольне Киев-град
Ко солнышку да ко Владимиру.
Ставит коня позади двора,
Дал ему пшеницы белояровой:
«Стой, мой бурушко, тихо-смирненько».
Заходит Илья к солнышку Владимиру,
Крест кладет по-писаному,
Поклон дает по-ученому,
Молитву творит по-Исусову,
Кланяетце на все четыре стороны,
Солнышку Владимиру на особицу:
«Здравствуй, солнышко Владимир-князь!» —
«Здравствуй, русский сильный богатырь,
Старбй казак Илья Муромец!
Откуль едешь, откуль прáвишьсе,
Откуль нынче путь держишь?» —
«Еду из сторонушки из западной,
Еду дорожкой прямоэзжеей».
Сделал солнышко Владимир-князь
Большб пирбванье, большо столбванье.
Тридцать три собралось русских богатыря,
Собралось много бояр толстобрюхиих.
Пировали-столова́ли трои суточки,
Стали все пьянёшеньки,
Стали все веселёшеньки.
Ильюшко стал пьянёшенек,

Стал по полу похаживать
И такие речи стал поговаривать:
«Пособил Бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, Бог, добыть врага неверного, врага идóльского,
Еще успокоить думою бояр толстобрюхий».
Говорит ему тут солнышко Владимир-князь:
«Сходи-ко-се на улицу, приведи Соловья Рахмантова
Поглядеть нам всем на посмотрённицу».
Тут и вышли все на улицу,
Взял он солнышка Владимира во праву́ руку́,
А матушку его Апраксию во леву́ руку́,
И сказал Илья Соловью Рахмантову:
«Зареви ты, Соловей, в полукрика,
Засвисти ты, Соловей, в полусвиста».
Заревел Соловей во весь крик,
Засвистал Соловей во весь свист —
Пáли все тут люди на́ землю,
Лежали люди без ума все три часа.
Солнышко Владимир с матушкой
Едва живы в руках Ильи.
Рассердилсе тут старóй на Соловья,
Заскочил старóй тут на добра́ коня́,
Привязал он Соловья за лошадиный хвост,
Потащил его по чисту́ полю́:
Где руки, где ноги, где буйна голова,
Тут ему и смерть случиласе.
Приехал старóй в стольне Киев-град;
Насказали на старóго бояре толстобрюхийи,
Насказали солнышку Владимиру,
Что «пособил Бог добыть Соловья Рахмантова,
Пособи, Бог, добыть солнышка Владимира».
Испужался солнышко Владимир-князь,
Приказал слугам верным взять старого за белы́ руки́
И вести его в подземелие.
Дал там ему стол дубовый, книгу Евангелъе, свечи стерлинные,
Посадили тут Илью Муромца.
У солнышка матушка была до сирóт добра́,
Она носила тайком всё, что хочетце,
Кормила его ровно три годá.

Взволновалась тут земля неверная, силы множество.

Едет она на стольне Киев-град

И шлет она пакет немилослив:

«Весь стольне Киев-град во полон возьму,

Мелкую силу всю повырублю».

Солнышко Владимир запечалился:

«Кто меня станет охранять-беречь?

Нет у меня сильного богатыря,

Нет надежного Ильи Муромца».

Послал он слугу верную

К Ильи Муромцу во темной погреб.

Приходила слуга верная к Илье Муромцу,

Низко ему поклонилася,

Горькими слезами уливается:

«Ты выходи-ко, старой да Илья Муромец,

Выходи-ко ты за святую Русь,

На нас больша́ сила срядилася!»

Старой казак челом не бьет, головы не гнет:

«Не ваше пью и кушаю,

Не вас сейчас я слушаю».

Пришла к князю тут слуга верная:

«Ильюшка нам челом не бьет, головы не гнёт.

Не ваше, говорит, кушаю,

Не вас, говорит, и слушаю,

А послушаю только матушку Апраксию».

Говорит тут солнышко Владимир-князь:

«Поди, матушка Апраксия,

Сходи к Илье Муромцу,

Пади ему во праву́ ногу́,

Проси у него прощеньица!»

Побежала к нему матушка Апраксия,

Отворила двери погребны,

Бьет челом, низко кланяетце:

«Ой еси, старой Илья Муромец!

Ты защита была великая,

Оборона была надежная,

Ведь на наш на стольне Киев-град

Взволновалась Орда неверная,

Хочет она взять стольне Киев-град!»

Говорит тут ей Илья Муромец:
«Поди, веди мне б́урушка,
Дам тебе ключи золоченые».
Привела матушка ему бурушку,
Развернул он двери стеклянные,
Вылетел из погреба ясным соколом.
Не видала Апраксия, как он на коня скочил,
Только видала, как в стремяна ступил,
В стремяна ступил булатные.
Пригонíл он в стольно Киев-град,
По приезде его все встретили,
Сделали ему чéстен пир.
Солнышко стал ему жáлитьце:
«Отделились все от нас русски богáтыри,
Поднялась на нас сила неверная,
Пособи нам с ней справитьце».
Говорит тут старóй казак Илья Муромец:
«Не хочу с ней лáдитьце,
Не хочу с ней мíритьце,
Поеду сам на зáставу».
Приехал он на зáставу великую,
Поглядел он в трубочку подзорную,
Увидел силу неверную,
Неверную силу многую,
И погонíл к силы невернойей.
Раз пять прокатил и всех сранíл.
По улоцки гонíт, как траву косíт.
Лучшую силу во полон берет,
Плохую силу в пень повырубил,
А красно чíсто сéребро ко себе берет,
Красно золото колесóm катíт,
Красных девушек гонит стáницами,
Молодых молодушек всех пленн́ицами.
Оттуль нынче поворот держíт,
Приехал в стольне Киев-град,
Сделали тут нынче веселой пир.
Все на пиру напивалисе,
Дóсыта все наедалися.
Благодарили старá казака да Илью Муромца:

«А сберег ты нам стольне Киев-град,
Не знаем теперь, чем дарить тебя». —
«Не надо мне ваши подарочки, —
Говорит тут Илья Муромец, —
Меня храните да в темницу не садите».

(Зап. Беловановой А. В.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Носовой Анастасии Артемьевны, 67 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.